

Как на ветру, во времени своем Литературно-актуальное эссе

Представляя читателям 10-й номер журнала "Артикль" (<http://www.sunround.com/club/journal.htm>), посвященный одесской литературе, авторы которой сегодня живут в Украине, Израиле, США, России и других странах мира, приведу высказывания критиков, утвердивших литературный статус поколения одесских писателей последней четверти 20-го — начала 21-го века:

"Никто из них, собранных на этой странице, не следует прямо той литературной традиции, которую принято считать одесской — "смешной".

Стихи Гланца, читая которые ощущаешь себя стремительно скатывающимся по американским горкам в бездну, перекликаются со стихами обэриутов. Философская поэзия Бориса Херсонского щедро питаема религиозными темами и образами. От простой разговорной фразы, банальной жизненной ситуации, нарочито лишенной всякого стиля, строит свой стих, как рассказывает свою жизнь, Белла Верникова. Как мало внешнего блеска и как много мастерства в стихах Сергея Четверткова! И только проницательному читателю видна их горькая ирония.

[...] и совсем уже в американском материале живут герои Вадима Ярмолинца.

[...] Все эти авторы разные. Они мало похожи на привычных широкому читателю "одесских" писателей. Но всех их этот город питает своей могучей энергией".

Д. Кириллов, "Новое русское слово", 11-12 сентября 1999 г.

"Когда читаешь прозу Вадима Ярмолинца, Ефима Ярошевского, Бориса Херсонского, Игоря Павлова, Юрия Овтина, Анатолия Гланца, Петра Межурицкого, то диву даешься: ведь талантливы, как черти, от первой до последней запятой — и такое скромное существование на окраине современного Парнаса!"

Валерий Сердюченко, "Южный город", 18.04.2004 г.

Наше "скромное существование" на литературной окраине имеет ряд причин — главная из них в том, что в бывшем Союзе два поколения писателей конца 1930-х — 50-х годов рождения оказались "задержанными", а потом и "пропущенными" (читайте в "Артикле 10" стихи Владимира Павловича Лукаша).

В издательской рецензии 1988 г. на рукопись сборника прозы и поэзии

"молодых одесских писателей" (нам было тогда от 30 до 40 лет) культуролог Борис Владимирский, автор концепции и сценария экспозиции Одесского литературного музея, предпринял безрезультатную попытку реанимировать региональную литературную жизнь, отметив художественную ценность не допускаемой к печати литературы:

"[...] знакомясь с рукописью в целом, явственно чувствуешь близость глубинных мотивов творчества, отношения писателей к окружающей жизни и отечественной культуре. [...] Очевидностей для них не так уж много. Все надо познать, пережить, утвердить словно впервые. Когда читаешь лирико-иронические рассказы Вадима Ярмолинца "Марлик" и "Предчувствие повести", саркастические фантазии Анатолия Гланца "Лентяй" и "Будни Модеста Павловича" (в соавторстве с Д. Мильнером), углубленно-психологические новеллы Юрия Невежина "Генерал в саду" и "Городская сказка", "странную" повесть Сергея Четверткова "Машинист", прозрачно-печальные стихи Татьяны Маргиновой, напряженно-конфликтные строфы Беллы Верниковой, возникает ощущение сложности и многообразия жизни. [...] Тревожно и актуально звучит вопрос, поставленный в одном из стихотворений Б. Верниковой:

Чему дано в одно соединить
людей живущих и когда-то живших,
архитектуру, говор, склад ума,
вечерний запах моря на остывших
от зноя улицах, где мы живем,
как на ветру, во времени своем?

Чувство жизни — "как на ветру" пронизывает почти всю рукопись. Но "на ветру" — означает не хаотично, беспривязно, а — пропуская сквозь себя все боли и противоречия эпохи и оставаясь при этом человеком. [...]

Принято говорить о рукописях нетрадиционной формы, что они имеют право на существование. Но здесь уместнее сказать о другом. Имеем ли мы — издатели, критики, представители творческих союзов — право и дальше мириться с тем, что целая группа давно и интересно работающих литераторов лишена выхода к широкой читательской аудитории? Это ненормальное положение пора исправлять. Издание предлагаемой рукописи даст возможность ее авторам представить свою работу на суд читателей и полноправно участвовать в литературном процессе. Уверен, что эта книга может стать заметным событием в культурной жизни нашего города".

Книга не вышла, и теперь, по прошествии без малого двадцати лет, можно только пожалеть об этом — некоторые тексты из нее так и не были

опубликованы, судьбы ее авторов сложились без влияния этого издания, а одесская культурная жизнь привычно лишилась еще одного явления, заметного современному читателю и будущему историку литературы.

Одесским неофициальным поэтам (неподцензурным — в терминах начала 21-го века) повезло больше, чем прозаикам. В 1991 г. местное издательство при финансовой поддержке Организации молодежных клубов выпустило поэтическую антологию "Вольный город" (составитель Юрий Михайлик), избежавшую редакторских правок и цензурных ограничений.

В моей статье "Поэтический круг" ("Вечерняя Одесса", 6 марта 1992 г.), где как один из авторов изданной антологии я представила читателям неофициальных одесских поэтов 1970-80-х гг., фиксируются очевидные для современников причины, по которым поэзия, в большинстве текстов не содержащая прямых выпадов против системы, не допускалась к изданию. Если поэту и удавалось напечатать несколько стихотворений в московском литературном журнале, невозможно было не-члену Союза писателей выпустить книгу стихов в условиях монополии Госиздата. Единичные исключения случались в столице и подтверждали общее правило — система стремилась свести к минимуму число публикуемых авторов, работавших в литературе без оглядки на предписанный идеологический и эстетический канон.

Привожу отрывок из своей статьи, воссоздающий литературную ситуацию, какой она виделась 15 лет назад неподцензурному поэту последних советских десятилетий:

"[...] О том, что поэт не нужен обществу, что его гонит толпа и отторгает свет, достаточно много написали еще классики. В наше время классическую коллизию "поэт и толпа" сменило состояние "поэт в толпе". Все мы люди толпы и дети своего времени — плохо образованные, заматанные неустроенным бытом, обделенные судьбой и гармонией. Но шестое чувство, непонятно как доставшееся человеку толпы в наследство от великой русской поэзии, требовало служения, которое не терпит суеты и профанации.

Общество же требовало иного — если ты нормальный человек и хочешь стать литератором, будь добр, пиши о том, как хорошо в стране советской жить, отображай в литературе темы труда, родины, партии, вышивай цветки на мундире системы. Такой рифмованный набор назывался гражданской поэзией. К нему, как к паровозу, цепляли немного лирики — о любви и о природе, и чтобы все было изложено общедоступным языком — никаких тебе больных вопросов и пограничных ситуаций, лексических и ритмических сдвигов. Если ты человек понятливый, а еще лучше —

малоодаренный, тогда правила будут соблюдены, и можно ставить вопрос об издании твоей книжки и зачислении тебя по писательскому ведомству.

А не хочешь жить, "как все люди", — оставайся до седых волос молодым поэтом, и вся твоя рукописная продукция вместе с тобой сгинет в нетях.

Кто он был? Расплакавшийся гений
или подгулявший наркоман?
Среди строк газетных сожалений
мы его не встретили, Каплан.
Стиснув руль,
во мраке очевидном
бестолково маясь над страной,
он боялся старости постыдной
и добился смерти легкой.

Это стихи Анатолия Гланца, всю жизнь живущего в Одессе и написавшего за последние 20 лет много замечательных стихов и удивительной прозы. Но книги не изданы, и ты как бы отсутствуешь в литературе.

[...] Держа в уме блистательный ряд имен, не расслышанных при жизни, [...] не будем сокрушаться вслух. Мир живет по своим законам, и поэзия не входит в число первых потребностей — "ни съесть, ни выпить, ни поцеловать".

Но если живо слово, найдутся и читатели, ибо душа взыскует поэзии.

С ее горячим дыханием, пронизывающим статичную обыденность жизни, как в стихах Сергея Четверткова:

Как будто с уголка расклеив
обыденности письмо,
горячим сквозняком повеяв,
чужая жизнь дохнет в лицо,
и величайшим откровеньем
перед тобой предстанет вдруг
курсантов бедное веселье
в глухом училищном саду.

Со спокойной верой в свое предназначение, оттеняющей нежные строки о юности и о любви, как у Анны Сон:

Семнадцать лет. По улицам кружить,
Читать Ахматову и Гумилева,
Дышать вполсилы, в четверть силы жить,
И впитывать изысканное слово
И воздух невообразимых стран.

Влюблять в себя родного человека
И принимать предутренний туман
За петербургский день начала века.

С горькой беззащитностью стихов Петра Межурицкого:

В середине недели
От всего, что болит,
Умирал в самом деле
Инженер Ипполит.
Исчезая со света,
Он прилег на кровать —
И так странно все это,
Что и не передать.

И с множеством других черт, присущих подлинной поэзии и явленных в стихах моих друзей — поэтов одного круга. Или "Круга" — так называется литературная студия объединения молодежных клубов, которую более 10 лет ведет Юрий Николаевич Михайлик.

Именно эта студия помогла многим одаренным людям в нашем городе в глухие 80-е годы обрести уверенность в своих силах, продолжать писать так, как ты считаешь нужным, пусть "в стол", но не чувствуя себя при этом человеком подполья со всеми его разрушительными комплексами. Из года в год собирались по пятницам непризнанные поэты и прозаики, кто-то уходил, приходили другие, читали друг другу только что написанные тексты, радовались удачам, без обиняков критиковали слабые вещи, говорили о литературе, о жизни. Суть происходившего здесь хорошо передает цитата из статьи немецкого философа Гадамера "Философия и литература":

"В действительности критика сводится не столько к различению хорошего и плохого в произведении искусства, сколько к тому, чтобы отличить удавшееся произведение от неудавшегося, и уж тем более от заведомой халтуры".

Замечательным итогом этого десятилетия, невозможным ранее, но и не очень доступным сегодня, стало издание в "Маяке" сборника стихов авторов "Круга". Сборник называется "Вольный город" и свидетельствует о том, что художественный феномен Одессы — не только красивая легенда, но и реальная действительность. За этой небольшой книжкой, которая продается сейчас в книжных магазинах города, стоит целая литература — больше двадцати поэтических книг, рассказы, романы, пьесы. Когда все это будет издано, можно будет всерьез говорить о литературной Одессе 80-х годов".

Хочется напомнить, что наше пренебрежение к официальному статусу советского писателя мотивировалось отнюдь не стоическим отказом от чего-то заманчивого. Поэты моего круга, с начала 1970-х гг. читавшие самиздат, не могли сочинять "паровозы", совмещая их со своими стихами, поскольку не умели и не хотели писать заведомую халтуру. Представленное в одесской поэтической антологии "Вольный город" состояние "поэт в толпе" требовало неординарного и внятного индивидуального высказывания. При недоступной для многих из нас перспективе достичь высокого положения и уровня жизни вполне реальным было осуществление интеллектуальных амбиций, к которым относится и стремление не зарыть в землю отпущенный тебе талант. Я думаю, что именно интеллектуальная амбициозность не позволяла нам опускать планку и сочинять "проходимые" в советских издательствах тексты-"паровозы", переводящие поэта и прозаика из неподцензурных авторов в разряд печатающихся писателей.

Живя в литературной провинции (см. эссе Юрия Михайлика) и, по условиям советской цензуры, не имея доступа к журналам, возможности издать свои книги, быть прочитанными и оцененными критиками, которых интересует сам текст, а не внелитературные факторы, одесские неофициальные писатели и в постсоветские годы не занимались выстраиванием иерархических отношений с законодателями литературных мод. Для человека с развитым чувством собственного достоинства такого рода отношения часто неприемлемы.

К счастью, великое техническое изобретение нашего времени и его широкое культурное распространение — русский литературный Интернет — дало нам возможность публикации, что сразу же выявило яркие дарования, оригинальность и своеобычность современной одесской литературы. Как сказал Ефим Ярошевский в интервью Дмитрию Скафиди: "Трудно переоценить громадное значение сети в деле превращения неизвестной литературы в широко известную". О наших публикациях в литературном Интернете читайте также в интервью Вадима Ярмолинца и моих, помещенных в "Артикле 10".

Художественная практика неофициальных одесских писателей и художников 1960-80-х годов подтверждает неадекватность для русской литературы последней трети 20-го века тезиса о распространении и рутинизации идей от центра к провинции и требует пересмотра понятий "столичная" и "провинциальная" литература, неизбежного при переходе от сложившейся в 19-м веке модели литературной иерархии к социокультурной модели литературного пространства. Это теоретическое построение под-

крепляется свидетельствами московских концептуалистов, отдающих должное влиянию на их творчество одесского художественного авангарда (о Валентине Хруще, Людмиле Ястреб, Станиславе Сычеве, Александре Ануфриеве, Владимире Стрельникове, Люсьене Дульфане, Олеге Соколове и других одесских художниках см. в "Артикле 10" эссе Евгения Голубовского "Там все Европой дышит, веет...").

Культурологическая модель литературного пространства наиболее приемлема в условиях безграничного расширения русского литературного зарубежья и развития Интернета. В начале 21-го века одесские авторы неизданного сборника стихов и прозы, который был высоко оценен Борисом Владимирским, и вышедшей в Одессе поэтической антологии "Вольный город" живут в разных странах. Как написала когда-то Мария Галина:

Кто смог — тот уехал,
кто в город другой, кто в страну,
кто смог — тот остался;
а ночи все глуше и тише,
но каждую южную, каждую злую весну
ложатся прозрачные тени на окна и крыши...

Проведенный в 2000-м году литературный конкурс "Сетевой Дюк" собрал поэтов и прозаиков, которые как писатели сложились в Одессе, объединив в рамках современной одесской литературы авторов разного возраста, гражданства и различных стилистических пристрастий. В первом разделе "Артикля 10" опубликованы интервью и эссе члена жюри "Сетевого Дюка" Семена Лившина (Сан-Диего, США) и победителей сетевого литературного конкурса Игоря Павлова и Ефима Ярошевского (Одесса). Эти материалы, как и эссе Феликса Гойхмана, автора предисловия к "Антологии поэзии Израиль 2005", демонстрируют непростой путь от писательской безвестности к осязаемому присутствию в литературе. Во многих текстах "Артикля 10" упоминается весомая составляющая одесского литературного мифа — одесские писатели 20-х годов. А ведь мы помним время, когда этого мифа еще не было. Как сказал Вадим Ярмолинец в интервью Леониду Делицину: "Ох, как я стар! Я суперстар!".

Я окончила среднюю школу в 1968 году, в год смерти Константина Георгиевича Паустовского. Изданная десятью годами ранее книга Паустовского "Время больших ожиданий" положила начало мифу об одесской литературе 20-х годов. Имя Бабеля, не говоря уже о других писателях-одесситах, многие узнавали из этой книжки. В сборнике Одесского литературного музея приведено письмо К. Паустовского редакции журнала "Но-

вый мир", отклонившей текст "Времени больших ожиданий" и неуважительно отозвавшейся о Бабеле и Багрицком, на что Паустовский ответил:

"В книге, по-Вашему, показаны разные "щелкоперы новой прессы". Такое заявление более пристало гоголевскому городничему, чем редакции передового журнала. Щелкоперов нет! Есть люди. Люди во всем разнообразии их качеств, и незачем клеить на них унижительные ярлыки...

Что касается Бабеля, то я считал, считаю и буду считать его очень талантливым писателем и обнажаю голову перед жестокой и бессмысленной его гибелью, как равно и перед гибелью многих других наших писателей и поэтов, независимо от их национальности. Если редакция "Нового мира" думает иначе, то это дело ее совести... Почему Багрицкого, человека шуточного, вольного, простого, Вы считаете изображенным в качестве трогательно-придурковатого стихолоба? Из чего это видно? Неужели из того, что он ненавидел чванство и спесь, ставшие одной из современных доблестей".

"Дом князя Гагарина", Одесса, 1997, стр. 170.

"Русские поэты — это поэты, создававшие произведения на русском языке, независимо от национальности, гражданства и места проживания".

Материал из Википедии — свободной энциклопедии.
Категория: Русские поэты.

В моих эссе последних лет, опубликованных в ряде изданий (Иерусалим, Санкт-Петербург, Одесса), проблемы литературной идентификации писателей, живущих в странах русского зарубежья и пишущих по-русски, рассматриваются применительно к одесским поэтам нашего поколения:

"Я определяю себя словом "поэт", но соглашаюсь и с определением "поэтесса", как, например, в статье Юрия Виноградова, помещенной на сайте журнала ODESSA (7-8, 1999):

"...тут мне на память приходят строки пребывающей ныне в дальнем зарубежье одесской поэтессы Беллы Верниковой: ...им взрослым без нас на земле оставаться".

Здесь уместно сказать, что к писателям, начинающим литературную работу в одной стране и продолжающим ее в другой, применимо несколько локально-культурных определений. Мы с Феликсом Гойхманом, являясь израильскими писателями, работающими на русском языке, или, в глазах одесских читателей, одесскими поэтами, пребывающими в дальнем зарубежье, остаемся русскими поэтами по языку и культурной традиции..." http://odessitclub.org/publications/almanac/alm_17/alm_17_214-217.pdf

"Одесский еврей Анатолий Гланц, ныне американец и житель Нью-Йорка, и белоруска Татьяна Мартынова, с 1970-х годов живущая в Одес-

се, ныне в Украине, остаются русскими поэтами по языку и культурной традиции, так как "базовые культурные модели и направляющие образцы получены ими из русской поэзии, а не из германоязычной немецкой и английской или романоязычной итальянской и французской поэзии, где подобные модели также присутствуют" (автоцитата, см.: http://odessitclub.org/publications/almanac/alm_17/alm_17_214-217.pdf).

Нечто подобное уже случилось в прошлом веке при развале империй. К примеру, Франц Кафка:

"Еврей по происхождению, пражанин по месту рождения и жительства, немецкий писатель по языку и австрийский писатель по культурной традиции" (Из предисловия Д. Затонского к сборнику прозы Ф. Кафки в московском издании 1989 г.) <http://www.netslova.ru/vernikova/kp.html>, http://odessitclub.org/publications/almanac/alm_23/alm_23_218-229.pdf, <http://www.era-izdat.com/lit-jerusalem-int.pdf> (стр. 88)

Не случайно сетевой журнал "Артикль 10", представивший читателям весомый корпус текстов одесских писателей нашего литературного поколения, выходит в Израиле. В одесской литературе всегда присутствовала мощная еврейская составляющая — по причине истории и демографии города, треть населения которого к началу 20-го века составляли евреи, а также в силу талантливости еврейского народа. Любителям процентной нормы в литературе напомню, что все сто процентов авторов Библии были евреями, что никак не снижает достоинств Книги Книг.

Табуированность еврейской темы в официальной литературе советского периода преодолевается в "Артикле 10" в стихах Бориса Херсонского (Одесса), Риты Бальминой (Нью-Йорк), в прозе Олега Губаря (Одесса), Вадима Ярмолинца (Нью-Йорк), Петра Межурицкого, Якова Шехтера, Ефима Гаммера (Израиль) и других авторов.

Традиция фантастического реализма, жанрово близкая социальной фантастике, привлекавшая одесских неофициальных авторов в силу гротеска и абсурдности повседневной жизни, представлена в "Артикле 10" прозой Сергея Четверткова (Одесса), Анатолия Гланца (Нью-Йорк), Павла Лукаша (Тель-Авив).

В моем радиointerview 2006 г., вышедшем в сетевых и печатных изданиях в Италии, Израиле, в альманахе "Дерибасовская — Ришельевская" (№ 28, 2007), указан мотив собирания одесской литературы в прозе Петра Межурицкого, опубликованной в московском литературно-философском журнале "Топос" (<http://topos.ru/author/774/works>) и в сетевой библиотеке Александра Кобринского, составителя "Антологии поэзии Израиль 2005" (<http://www.geocities.com/sibnsina04/almnh/>).

Отмеченное в интервью литературное пародирование юдофобских клише в иронической прозе П. Межурицкого и Е. Гаммера, присуще и пародии Семена Лившина "Двести лет, как жизни нет", впервые опубликованной в литературном интернет-журнале "Сетевая словесность" (Санкт-Петербург, 2003, <http://www.netslova.ru/livshin/200let.html>).

Как заметил Марк Найдорф в эссе "Культура и мистика СМИ", напечатанном ранее в одесском альманахе иудаики "Мория" (№ 3, 2005):

"Политическая карта мира для большинства людей "заполнена" лишь частично — только теми странами, о которых больше других упоминают средства массовой информации. В Организации Объединенных Наций состоит почти две сотни государств, но о некоторых из них массы людей узнают лишь тогда, когда там происходит государственный переворот, дающий повод для телерепортажей. Есть страны, которые годами остаются вне новостей, и поэтому — для масс — как бы вне реальности, "off the map", как говорят американцы, т. е. "вне карты". http://www.moria.farlep.net/ru/almanah_03/01_05.htm

Маленькая по территории страна Израиль присутствует в новостях постоянно, причем картинки и комментарии тележурналистов часто политически ангажированы и предвзяты. Бывшая турецкая провинция Палестина в 1921 году была разделена на две части, для двух населяющих ее народов, — на арабскую Трансиорданию и подмандатную Англии Палестину, которая по декларации Бальфура должна была стать национальным центром еврейского народа, преобразованным впоследствии в еврейское государство. Арабские страны Ближнего Востока, как и Израиль, получили независимость в 1940-е годы, однако их постоянные территориальные претензии к Израилю, агрессивные войны и терроризм освещаются, в частности, российскими СМИ как нечто позитивное и обоснованное.

На нашей памяти Египет и Сирия входили в одно государство — Объединенную Арабскую Республику (ОАР). Потом они разделились, образовав, соответственно, египетский и сирийский народы. Как отмечено в моих статьях в "Вестнике еврейского университета" (Москва — Иерусалим, № 8, 2003) и в одесском альманахе иудаики "Мория" (№ 6, 2006), понятия *палестинский народ* не существовало до создания Государства Израиль:

"Жившие тогда в Палестине арабы не идентифицировали себя как "палестинский народ", такого понятия не существовало в 19 — первой половине 20 вв. Встречающиеся в литературе этого периода выражения "палестинцы", "палестинское движение", "палестинское общество", "палес-

тинская идея" относятся к евреям — приверженцам "Ховевей Цион" и сионизма". http://www.moria.farlep.net/ru/almanah_06/01_10.htm

Эти историко-лингвистические перемены соотносятся с проблематикой помещенного в "Артикле 10" рассказа Петра Межурицкого "Разум за разум".

В моей статье в альманахе "Мория" указана причина неприязненного отношения советских и постсоветских СМИ к Израилю и к сионизму:

"В советское время имя Льва Пинскера было предано полному забвению, так как несовместимый с классовой борьбой сионизм отвергался еще Лениным, а с конца 1940-х гг. становится в СССР идеологическим жупелом, пригодным для публичного выражения государственного и личного антисемитизма".

Белла Верникова.

Лев Пинскер, соредатор второго русско-еврейского журнала "Сион" и провозвестник сионизма http://www.moria.farlep.net/ru/almanah_06/01_10.htm

По той же причине в советские годы было изъято из культурного обихода имя Владимира (Зеева) Жаботинского, и для нас не существовало его чудесной одесской повести "Пятеро" (Париж, Arg, 1936), см. в журнале предисловие Евгения Голубовского к первому одесскому изданию.

Внимание одесских поэтов нашего круга к жизненному обиходу, отмеченное в моем эссе "Кстати, о птичках" (опубликовано в России, Украине, Израиле), во многом определяет индивидуальный характер и неординарность поэзии, собранной в "Артикле 10". Поэзия, живопись и музыка сочетаются с прозой жизни в стихах одесских поэтов так же непосредственно и закономерно, как в рассказе Вадима Ярмолинца "Роковое лето" и в других текстах этого журнала.

Стихи Анатолия Гланца — уникальное явление в русской поэзии 20-го века. Его постхлебниковский "Сад" — верлибр, написанный в 1980-е годы и опубликованный в начале 21-го века в журнале "Дети РА": http://www.detira.ru/arhiv/3_2004/glanz.htm, и в Антологии литературно-художественного журнала "Футурум АРТ": <http://www.futurum-art.ru/autors/glanc.php>, породил в современной поэзии новую постхлебниковскую традицию, что также опровергает тезис о распространении и рутинизации идей от центра к провинции.

Никто так замечательно не написал об Одессе, как Гланц в давнем своем стихотворении:

Сохрани это счастье вдыхать акации.

И хотя ветерок проскользнул за ворот —

это ласковый город.

Гланц, Анатолий Франкович

Стихи Бориса Херсонского, получившие сегодня широкую известность, я помню несколько десятилетий:

На планете лишний рот
мой народ.

<http://www.vavilon.ru/texts/khersonsky1-1.html>

Уникальность поэзии Бориса Херсонского, на мой взгляд, прежде всего в том, что воссоздав на русском языке тексты классических культурных традиций — еврейской (псалмы Давида) и китайской (книга Дао), поэт насыщает тематикой и стилистикой этих поэтик свои современные стихи.

В "Артикле 10" Херсонский представлен новыми стихами, опубликованными в его авторском журнале: <http://borkhers.livejournal.com>.

Верлибры и рифмованные стихотворения Сергея Четверткова, постоянного сценариста фильмов Киры Муратовой (<http://arthouse.film.ru/person.asp?id=450>), вошедшие в антологию "Вольный город" и написанные сегодня, в своем обращении к повседневной жизни начисто лишены стилистической обыденности. Как написал мне в письме Петр Межурицкий при обсуждении содержания "Артикла 10":

"Сережа, например, пишет о выходе из запоя. Казалось бы, уж для русской-то литературы пласт из наироднейших, затронутый и перепаханный вдоль и поперек. А читаешь эту вещь — читать и перечитывать.

И в целом во всех материалах собственно экзотики нет никакой — явление о самом себе как об экзотическом повествовать не станет, если, конечно, будет искренним и точным. Для себя-то самого оно самое натуральное из всего сущего. И вот эта натуральность сущего — в самых разнообразных формах передается".

Я включила в раздел *Поэзия* малоизвестное стихотворение Бориса Пастернака "Одесса" и поэтический фрагмент, заканчивающийся вопросом, предвещающим роман "Доктор Живаго": "Было ли это? Какой это стиль? / Где эти годы? / Можно ль вернуть эту жизнь, эту быть, / Эту свободу?" — оба стихотворения впервые напечатаны в газете "Красный Флот" весной 1944 г.

Родители Бориса Пастернака переехали из Одессы в Москву за год до его рождения. Боль, ощутимая в стихотворении "Одесса", связана с биографической ситуацией поэта — видимо, в Одессе в годы фашистской оккупации оставались его родственники, убитые в массовых акциях уничтожения евреев, о чем Пастернак узнал, приехав в апреле 1944 г. в освобожденный город.

По биографическим причинам в "Артикле 10" включены также стихи и проза живущих в Израиле Семена Гринберга, родившегося в Одессе до

второй мировой войны, и Ефима Гаммера, родившегося в семье, в 1941 г. эвакуированной из Одессы.

Современное распространение Интернета позволило восстановить прерванные дружеские контакты писателей нашего круга, оставшихся в Одессе и уехавших за пределы Черноморского региона. Что имело позитивные последствия не только в деле публикации и собирания одесской литературы, как в конкурсе "Сетевой Дюк" или в моих сетевых проектах — "Литературный архив" на сайте издательства Э.РА: <http://www.era-izdat.com/arhiv.htm> и "Антология одного стихотворения" на сайте ИЕРОГЛИФ: <http://hieroglyph.ru/Vv>, но и в создании новых книг.

Я в Иерусалиме и Татьяна Мартынова в Одессе в соавторстве сочинили по e-mail-переписке детскую и взрослую книжку "Мурка тебе написала письмо!", изданную с авторскими иллюстрациями в 2006 г. в международном издательстве Э.РА и представленную на сайте издательства: <http://www.era-izdat.com/detski1.htm>, а также на специализированном российском сайте для детей и родителей "Детки-74": <http://www.book.detki-74.ru/?p=6>.

Героиня этой книжки Мурка ведет литературную e-mail-переписку с другой симпатичной кошечкой — Хатулкой, уехавшей со своим хозяином в Израиль (читайте "Муркины письма" в "Артикле 10"). При написании нашей с Таней Мартыновой Муркиной книжки, совсем по Ильфу и Петрову, — загадочная славянская душа встретила загадочную еврейскую душу — благодаря наличию электронной почты.

Проще всего сказать, что авторы "Артикла 10" развивают лучшие традиции одесской литературы. Но можно и сравнивать. Такой поэзии, какую создали одесские поэты моего поколения, в этом городе не было никогда (читайте раздел *Поэзия и публикации*, представленные linkами на поэтических страницах).

Одесская литература 20-х годов — миф, в первую очередь потому, что вся она создавалась писателями-одесситами уже в столице. Корректнее говорить о том, что в послереволюционные годы Одесса дала русской литературе несколько больших писателей — Бабеля, Олешу, Ильфа и Петрова, одного большого поэта — Багрицкого, и ряд хороших писателей, связанных с ними биографически.

Имена значительных писателей моего поколения указаны в критических отзывах Д. Кириллова и В. Сердюченко, приведенных в начале эссе и в других текстах этого издания. К тому же, мы живы и продолжаем работать. Сегодня об авторах "Артикла 10" нельзя сказать — неофициаль-

ные писатели. Издав свои книги, публикуясь в печатных и сетевых литературных журналах и поэтических антологиях разных стран мира, сохраняя неординарность индивидуального высказывания и демонстрируя современные возможности обновления стиха и прозы, мы возвращаемся к одесскому читателю известными писателями.

Два выходящих в Одессе толстых журнала, альманахи "Дерибасовская — Ришельевская" и "Мория", с удовольствием печатают наши тексты, так как с их публикацией издание становится интереснее, переходит на более высокий качественный уровень. Выпускают эти журналы одесские публицисты и прозаики, чьи произведения также вошли в "Артикль 10" — Феликс Кохрихт, Евгений Голубовский и Олег Губарь делают альманах "Дерибасовская — Ришельевская", мы с Марком Найдорфом входим в редколлегию одесского альманаха иудаики "Мория". Ряд авторов "Артикля 10" связаны с литературной периодикой, выходящей в других странах: Борис Херсонский — с журналом "Крещатик" (Германия), Рита Бальмина готовит к выпуску нью-йоркский "Членский журнал", Петр Межурицкий и Павел Лукаш входят в редколлегию интернет-журнала "Артикль", размещенного на сайте Тель-авивского клуба литераторов и журнала "22", благодаря чему состоялась сетевая публикация "Артикля 10". Предполагается также его печатное издание.

Свою задачу составителя "Артикля 10" я могу определить словами из эссе Евгения Голубовского — существенная работа была проделана мною (при участии Петра Межурицкого и Вадима Ярмолинца) "во имя родного города — собрать не случайные картины, а целостный мир, дающий представление" о ценности и значительности одесской литературы нашего задержанного поколения.

* * *

Литературный Интернет-журнал "Артикль" № 10 (Тель-Авив, 2007)

<http://www.sunround.com/club/journal.htm>

Содержание

Эссе, интервью

- Белла Верникова. *Как на ветру, во времени своем*
- Юрий Михайлик. *Из вольного города поэзии*
- Семен Лившин. *Дом, который построил "Дюк"*
- Дмитрий Скафиди. *Интервью с Ефимом Ярошевским, победителем конкурса "Сетевой Дюк — 2000"*
- Игорь Павлов. *Хаджибей и Фонтан — источники моей поэзии*

- Феликс Гойхман. *Несколько предварительных признаний*
- Вадим Ярмолинец. *Не Бабель и Олеша, а "Зеттели" и "Роллинги"*
- Леонид Делицын, Вадим Ярмолинец. *Профессионалы придут в Интернет*

- Феликс Кохрихт. *Лили Голден с Утесовым*
  - Марк Найдорф. *Культура и мистика СМИ*
  - Белла Верникова. *Популярные литературные интернет-журналы*
  - Евгений Голубовский. *Там все Европой дышит, вьет...*
- Предисловие к одесскому изданию повести В. Жаботинского "Пятеро"

Проза

- Петр Межурицкий. *Разум за разум*
- Вадим Ярмолинец. *Роковое лето. Как говорят в Одессе. Антология одного стихотворения*
- Ефим Ярошевский. *Ветер века*
- Сергей Четвертков. *Главы из романа "Стень"*
- Яков Шехтер. *Царь, царевич, сапожник, портной*
- Семен Лившин. *Двести лет, как жизни нет. Дерibasовская угол Мон-мартра*
- Белла Верникова, Татьяна Мартынова. *Муркины письма*
- Анатолий Гланц. *Покушение. Прокурор города Гайворон. Вы еще о нас пожалеете!*
- Павел Лукаш. *Новый ТЕРМОТРУП*
- Ефим Гаммер. *Главы из сатирического романа "Засланцы"*
- Олег Губарь. *Маркус*

Поэзия

- Анатолий Гланц
- Игорь Павлов
- Борис Херсонский
- Белла Верникова
- Татьяна Мартынова
- Юрий Михайлик
- Петр Межурицкий
- Сергей Четвертков
- Мария Галина
- Валерий Бодылев
- Рита Бальмина

- Феликс Гойхман
- Анна Сон
- Павел Лукаш
- Владимир Лукаш
- Ефим Ярошевский
- Ольга Ильницкая
- Олег Губарь
- Анна Божко
- Семен Гринберг
- Сусанна Ланс
- Елена Гассий
- Борис Пастернак

Составитель номера Белла Верникова
при участии Петра Межурицкого и Вадима Ярмолинца

